

КНИГА И ЭКРАН

Оксана КАБАЧЕК,
заведующая отделом
социально-психологических проблем детского чтения
Российской государственной детской библиотеки

Тутта Карлссон, или Проблемы экранизации

По телевизору в очередной раз показали двухсерийный кукольный фильм «Маленький Рыжик» (1982). Фильм добротный, сделанный, добрый, но несколько слащавый. Фабулу книги Яна Экхольма «Тутта Карлссон, Первая и единственная» передает довольно точно, хотя главный герой, Людвиг Четырнадцатый, почему-то переименован в Рыжика.

Но это я мультипликаторам И. Доукше и М. Бузиновой простила. Смутили их лупоглазые зайцы — уж очень они напоминали сотни других лупоглазых мультяшно-кукольных собратьев. Во время просмотра волновали они, безликие куклы, а не книжка шведского сказочника Яна Экхольма, которую в незапамятные годы одна знакомая семья переписывала от руки. От начала до конца!

Переписывала потому, что любила.

Да зачем читать книгу (а уж тем более ее переписывать), когда есть подробный милый мультяшник?

А затем, что в кукольном фильме хороших режиссеров И. Доукши и М. Бузиновой нет завораживающего авторского голоса, аромата живого слова,

нет чисто литературных, *рассказчицких* подробностей. Как в зачине «Тутты Карлссон, Первой и единственной»:

«Ты знаешь Ларссонов? Нет, не тех Ларссонов, что иногда заходят в гости к Персонам.

Я говорю о хитрых Ларссонах».

Режиссеры И. Доукша и М. Бузинова помимо «Маленького Рыжика» сняли много кукольных

фильмов-экранизаций для детей: тринадцатисерийный фильм «Приключения капитана Врунгеля» по книге А.С. Некрасова (1979), «Почтарская сказка» (1978) по сказке К. Чапека, пять сказок Г.-Х. Андерсена — «Свинопас» (1980), «Соловей» (1986), «Новое платье короля» (1990), «Ель» (1981), «Домовой и хозяйка» (1988), а также фильм «Дядюшка Ау» по книжке Х. Мякеля «Господин Ау» (1979).

Вполне *профессиональные* фильмы. Почему ж не порадоваться?

Когда я обнаружила в Интернете еще и их экранизацию книги «Сказки дядюшки Римуса» американского писателя Джоэля Чендлера Харриса под названием «Новоселье у Братца Кролика» (1986), я и обрадовалась — совсем как хитрый Братец Лис: «Попались, Братцы Кролики!».

Потому, что книги Я. Экхольма и Дж.Ч. Харриса — книжки-антиподы, парные-полярные. Как-то они перенесли усредняющий конвейер экранизаций?

Лучший, непревзойденный иллюстратор «Сказок дядюшки Римуса», Геннадий Владимирович Калиновский в свое время писал: «...Работать только благодаря профессиональной сноровке не очень серьезно по отношению к искусству... Это и много, и уже очень мало». И еще: «...Каждая новая книга делает и меня другим. Забрасываешь в себя новую тему и сам меняешься».

Какая тема, помилуйте, детишкам фавулы достаточно! Покажите миленького кукольного зайчика — все и довольны? И зачем еще *меняться*?

Г. Калиновский: «...Редактор А. Сапрыкина предложила мне “Сказки дядюшки Римуса”. Я перетрусил и всполошился. Как их делать? Со зверьем у меня нелады. Жена мне заклеила все фростовские рисунки в книге, и я стал читать. Черт возьми, да это не сказки, а горькое бытие. Сапожник-то — негр, в его историях и сквозит оттенок африканского фольклора, где мир держится добром, а движется злом. Нет, не на фоне пасторальных лужаек надо рисовать все это. ...Да эти сказки — настоящий плутовской роман, всяк так и норовит другого слопать, без сахара. Вот тебе и герои! Кто-то из редакторов мне посоветовал: “Сходи в зоопарк, порисуй кроликов”. Нет, это не анималистические персонажи. Про кролика как-то говорится, что он сунул руки в карманы. Функции его человеческие. Этот пройдоха вечно настороже, ушки на макушке, я их такими и нарисовал. У настоящего кролика уши — вниз и длиннее в восемь раз.

...Получились рисунки острые, “колючие”, без намека на идиллию. Волк — это техасский парень, кролик — ловкач, ему тоже палец в рот не клади. Каждый здесь хватается за жизнь, как умеет».

А в книге Яна Экхольма нашелся герой, который этому вечному закону жизни следовать не хочет. Ну не желает Людвиг Четырнадцатый быть лисом-плутом! Хочет дру-

жить с Туттой Карлссон, славным цыпленком.

Вот как это случилось:

«— У тебя чет-чет-четырнадцать братьев и сестер? — пропищал комочек. — Есть чем хвастать!

— Только тринадцать, — рассердился Людвиг Четырнадцатый. — Но можно подумать, что у тебя их больше!

— Вряд ли я смогла бы сосчитать их всех, — ответил комочек. — А зовут меня Тутта Карлссон.

В канаве наступила тишина. Оба думали одно и то же: «Кто же сидит напротив меня?».

А когда узнали — было поздно: они уже подружились.

«Да, у папы и мамы Парссонов случилось несчастье. У них оказался сын, который не хотел быть хитрым!».

Книжка-антипод. Сказка о модной нынче толерантности. Не объединение героев против общего врага, а взаимодополнение семейства лис и семейства кур в трудной ситуации (объединение знаний и навыков).

А как же проблема экранизации?

А так же, как проблема искусства. В интервью о детских книгах Г.В. Калиновский наизусть цитирует Ф. Ницше, Т. Манна и В. Маяковского. И это абсолютно нормально в разговоре о философии творчества.

А ненормально, когда «ни холоден, ни горяч». На такого плюнуть хочется... Коекому.

Герои И. Доукши и М. Бузиновой не запоминаются. Они миленькие, тепленькие и никакие. Не то что кукольные создания Мих. Каменецкого. «Ро-ма! Ро-ма!». Узнали? (Пятисерийный «Боцман и Попугай» (1981).

В Томске недавно поставили памятник Волку из мультфильма Э. Назарова «Жил-был пес» (1982). Мультфильм в Интернете называют легендарным.

Прекрасны собравшие кучу премий экранизации Наталии Орловой (чеховская «Каштанка» (2004), мелвилловский «Моби Дик» (1999). И Марии Муат («Желтухин» по А.Н. Толстому (2002), «Девочка Люся и дедушка Крылов» по Саше Черно-

му (2003). Прекрасны потому, что передают стиль, атмосферу, дух и душу первоисточника, а не только букву.

А познакомившись с душой произведения (душой автора), захочешь познакомиться со всеми его обличьями — визуальным, текстовым (и театральным и любым другим). Если вещь по-настоящему трогает.

Фильм Т. Ильиной «Щелкунчик и Мышиный король» (2004) реклама называла «настоящим шедевром мировой мультипликации», а зрители по ошибке писали в Интернете, что фильм американский. Ошибка не случайна: голливудский размах и пустота отличают детище Ильиной. Тайну Э.-Т.-А. Гофмана создатели нового мультлика не разгадали. Фильм их предельно вторичен — и оттого производит впечатление не современного, а уже устарелого.

А Чайковского в «Щелкунчике» почти нет: попроще музыку подобрали.

Резюме критика М. Судакова: «бездарный, безвкусный и скучный мультфильм».

Зато какой бюджет!

Больше повезло Незнайке. Только не привычному, носовскому, а его прототипу — герою книжки Анны Хвольсон «Удивительные приключения лесных человечков» (1913), основанной на рисунках канадского художника и писателя Пальмера Кокса. (Это А. Хвольсон придумала имена Мурзилка, Знайка, Незнайка, Баррабас, которые потом позаимствовали советские детские писатели.)

Мультфильм Светланы Гроссу и Владимира Гогурина «Незнайка и Баррабас» (2004) вобрал в себя элементы этой старой детской книжки. Фильм получился стильным и оттого современным. Критики называют его «галлюциногенной сказкой» и спрашивают, вспомнят ли дети этот дорогой и изощренный мультпродукт через полгода.

Я через полгода вспомнила. И даже готова посмотреть еще раз.

Готовы ли дети после мультлика прочитать книжку Н. Носова?

Мультипликатору-экранизатору для начала неплохо быть вровень с экранизируемым автором. Гениальный Ю. Норштейн двадцать пять лет экранизирует гениальную гоголевскую «Шинель».

Есть мультфильмы — старательный пересказ литературной фабулы, а есть мультфильмы — как *особый вид искусства*.

Вот «Шалтай-Болтай» (1983) Марии Мутат. Экранизация переводов с английского С.Я. Маршака, давно известных песенок и баллад. Но как они переосмыслены! Как интересно вписались в новый контекст и новый сюжет. Шалтай-Болтай — прямо защитник угнетенных. А Четырнадцать Утят вовсе и не четырнадцать утят... А не скажу. Сами посмотрите.

Да, эти фильмы надо смотреть — это визуальное чудо, а не только чудо слова.

И сценарий в таком особом визуальном виде искусства пишут сами художники. Потому что рождается фильм из неуловимого поначалу образа.

Как у Норштейна: «Когда личная, живая ассоциация входит в состав фильма, тогда он начинает расти сам из себя. Это был сухой лист, который мне вспомнился из моего детства, из октября месяца... этот лист, который невесть откуда прилетел для меня... Его волокно по мостовой, и он цеплялся за края булыжника — он был совершенно живой. Снег отскакивал от его панциря, и видел эту картину маленький человек». (Из Интернет-статьи «Шинель любви и совести»).

А вот отзывы зрителей философского мультфильма «Моя жизнь», получившего премию в Анниси за «самый смешной в мире фильм» (режиссер Наталия Березовая, 2000 г.): Respect: «Всего за три минуты столько сказано. А главное, что когда такие мысли высказываются таким образом, то руки не опускаются после просмотра». Ариман: «Я тоже люблю Родину... даже такую!!! Спасибо, прекрасный мульт!». ASch: «Очень грустный, но хороший мульттик. Жалко «поросенка». ScrG: «Прекрасный мульт! Никому не понять жизнь такой, какая она есть

на самом деле». Lygius: «...Такой позитивный, радостный и просто отличный мульт». Vitovt: «Смотрю уже в десятый раз».

Итак, и позитивный, и грустный, и радостный одновременно. Как сама жизнь.

Такое искусство не вытесняет Книгу, но приводит к ней. Вытесняют книгу (и успешно) мастеровые — пересказчики фабулы. (Им все равно, кого на пленку перекладывать — Чапека или Андерсена, Некрасова или Харриса. Все будут одинаковые, кукольные. Будут **вместо книги**.)

«— Это очень смешная песенка, — сказал мальчик.

— Смешная, конечно, — ответил старик, — потому что мы не понимаем по-лягушачьи. А если бы мы понимали, может, она вовсе и не была бы смешная». (Дж.Ч. Х.)

КАКОЙ СИНДРОМ У ПИТЕРА ПЭНА

Только веселье, непонимающие и бессердечные умеют летать.

Джеймс Мэтью Барри

«С историей про Питера Пэна дело обстоит таким образом. Сначала я рассказываю ее Дэвиду, потом он рассказывает ее мне, и она тогда звучит несколько иначе. Потом я снова ее пересказываю, но только уже с его добавлениями. В конце концов становится непонятно, чья же это история — моя или его». Так пишет Джеймс Барри о технологии сотворчества ребенка и взрослого.

Откроем первую книгу — **«Питер Пэн в Кенсингтонском саду»**. Начало ее совершенно сказочное: Питер Пэн вылетел в Кенсингтонский сад, забыв, что он уже не птица. Была Питеру одна неделя от роду. (Как известно, «до того, как стать людьми, младенцы были птицами».)

О, Кенсингтонский сад! «На Широкой дороге обычно встречаются всякие интересные люди. Правда, их, как правило, сопровождают взрослые».

Здесь Питер пережил много приключений, подружился

с суетливыми дроздами, капризными феями и мудрым вороном Соломоном. Здесь было очень неплохо, да что там — просто здорово. Но наступил день, когда Питер захотел увидеть свою родную мамочку. «...Окно, через которое я улетел, осталось открытым, — решительно заявил Питер. — Мама ни за что не закроет окно, чтобы я мог прилететь обратно». Феи не поверили, но все же помогли ему долететь до дома.

Окно оказалось открытым!

Мама спала. «Но лицо ее даже во сне было печальным, и он знал почему. Рука ее шевельнулась, точно хотела кого-то обнять. И ему было известно — кого».

Вот бы позвать ее — она обязательно проснется! Но Питер все медлил: он сомневался. «Конечно, было бы приятно снова стать сыночком такой милой леди. Но, с другой стороны, сколько веселых и счастливых дней он прожил в Кенсингтонском саду!».

Мама шевельнулась, позвала «Питер!». Конечно, «если бы она позвала его еще раз, он уж наверняка бросился бы к ней. Но она больше ничего не сказала, только тихо застонала». Питер взял дудочку и заиграл маме красивую колыбельную, пока скорбная морщинка на ее лице не разгладилась. Он пообещал ей скоро вернуться: сначала надо со всеми попрощаться.

Действительно, надо! Он все прощался и прощался. «Много дней и ночей и даже месяцев прошло, пока он решил выполнить свое обещание вернуться. Трудно сказать почему... Он думал, что вообще-то незачем спешить, потому что мама никогда не перестанет ждать его».

Наконец он полетел домой. Окно было закрыто. «Мало того. Оно было забрано железной решеткой. Питер заглянул внутрь. Мама спокойно спала, обнимая другого малыша».

Резюме автора (и мудрого ворона Соломона): «Второго шанса не бывает».

Но это еще не конец сказочной повести. В ней появ-

Питер Пэн в Кенсингтонском саду Сказочная повесть

ляется очень симпатичная героиня — девочка Мейми Мэннеринг, которая по ночам почему-то пугала братца очень страшными историями. Однажды она случайно осталась на ночь в Кенсингтонском саду. И, естественно, познакомилась с феями.

И не только с ними! Там был еще «прекрасный маленький мальчик с ясными, как звезды, глазами». Мейми видела его впервые, «но каким-то образом поняла, что знала его всегда».

Это был Питер Пэн.

Понятно, что дети быстро подружись.

Однажды Венди призналась, что не собирается покидать свою маму навсегда.

«Да-да, — кивнул Питер.

Но в глубине души он знал, что именно навсегда, но не мог сказать этого Мейми, потому что панически боялся ее потерять».

Мейми как бы заменяла ему маму?

Он не умел долго притворяться. «О Мейми, — с горечью отозвался Питер. — Неправильно было бы увозить тебя, если ты уверена, что можешь вернуться. Твоя мама... — всхлипнул он. — Ты не знаешь этих мам, как знаю их я». И все рассказал ей.

«Неужели я опоздала? — проговорила она рыдая. — О Питер, неужели она завела себе другую девочку?»

Но Питер Пэн благороден: «Если ты сейчас быстро побежишь домой, я думаю, ты еще успеешь, — прибавил он торопливо».

Мейми Мэннеринг исчезла и больше не появилась. Она боялась, что если еще раз увидит Питера Пэна, то так легко с ним не расстанется.

Но она была благодарной, она оставила в укромном месте парка письмо и подарок для Питера. «И до тех пор, пока она не стала совсем взрослой, она оставляла игрушки в саду, объясняя Питеру в записочках, как в них следует играть. Говорят, она не единственная, кто поступал таким образом».

Питер Пэн — Санта Клаус наоборот?

Почитаем вторую повесть о нем — «**Питер Пэн и Венди**». В ней мы знакомимся с семейством Дарлингов. Главная в этом семействе, конечно, собака-нянька Нэна. А самый младший, похоже, — мистер Дарлинг:

«Временами ему казалось, что Нэна недостаточно им восхищается».

— Что ты, Джордж, — пыталась разуверить его миссис Дарлинг. — Нэна от тебя в полном восторге. — При этом она делала незаметный знак детям, чтобы они были особенно ласковы с отцом».

И хотя мистер Дарлинг «занимал положение в Сити», в своей семье он был капризным и шаловливым ребенком: он «смог бы сойти за мальчишку, если бы только смог избавиться от лысины».

Ну и что такого? «Трудно было представить себе более простую и счастливую семью до того, как появился Питер Пэн».

Роковой Питер Пэн.

Сначала миссис Дарлинг обнаружила Питера в мыслях своих детей (пока их проветривала) — рядом со страной Нетинебудет. Затем она обнаружила в детской высохшие листья — от деревьев, не растущих в Англии. Венди объяснила, что это Питер Пэн набросал.

А вот окно растворилось и — пожалуйста! — Питер собственной персоной. Нэна кинулась на него с сердитым лаем, но он выскользнул за окно. Только тень Питера осталась в зубах у собаки. Миссис Дарлинг аккуратно свернула ее и положила в комод, чтобы при случае показать мужу.

В роковую пятницу, вечером, Питер прилетел за своей тенью. Родители детей как раз ушли в гости, а дети сладко спали в своих кроватках.

Тень, конечно, нашлась, но никак не хотела приклеиться на место. Пришлось Венди ее крепко пришить. (Венди ничуть не удивилась, увидев в комнате Питера Пэна, а вот фея Динь-Динь, прилетевшая вместе с Питером, ее просто поразила.)

Настало время детям познакомиться поближе. Вэнди поинтересовалась у Питера, где он чаще всего бывает теперь, после Кенсингтонского сада. Питер Пэн объяснил: «Когда ребята выпадут из коляски и их семь дней никто не хватится, тогда они отправляются в страну Нетинебудет. Я там — их командир».

(Нетинебудет в другом переводе — Никогда-Никогда.)

Оказалось, что Питер прилетел в детскую, чтобы послушать сказки: «Понимаешь, я ведь не знаю сказок. И никто из потерянных мальчишек не знает ни одной сказки».

Ах, зачем Венди призналась, что знает много сказочных историй! «Венди, летим со мной, расскажи мальчишкам сказку», — попросил Питер.

Ни за что: как же бросить маму и папу!

Но Питер выдвигал все новые и новые соблазнительные аргументы: научиться летать, болтать со звездами, увидеть настоящих русалок.

Венди еще держалась. Но когда Питер пообещал, что она будет подтыкать одеяла по ночам и штопать одежду мальчишек, Венди не устояла: роль матери оказалась нестерпимо желанной.

Младшие братья Венди, Джон и Майкл, тоже готовы были лететь на остров Нетинебудет.

Это же так просто!

Мистер и миссис Дарлинг вбежали в детскую слишком поздно: детей там не было.

Дети уже были в полете.

Вот и показался остров Нетинебудет — «он, придуманный ими самими, вдруг становится существующим на самом деле».

Вспомнили адрес? «Второй поворот направо, а дальше прямо до самого утра».

Ранее автор меланхолически замечал для читателей-взрослых: «До сих пор до нашего слуха доносится шум прибоя, но мы уже никогда не высадимся на том берегу».

Ну вот, высадились.

Остров похож на карусель — все смеются друг друга по кругу в однажды установленном порядке: сначала идут пираты, потом краснокожие, потом крокодил, потом мальчишки, потом пираты...

Мелодия шарманки крутится и крутится в голове, и от этой механической музыки почему-то становится грустно и тяжело на сердце.

Разорвать порочный круг могли бы новые сказки.

Вот и прилетела та, кто умеет их рассказывать. Но ее застрелили послушные мальчишки. (Они послушались феи Динь-Динь, приревновавшей Венди к Питеру, и застрелили.)

А вот и сам Питер, очень довольный: «Большие новости, ребята, — оживленно говорил Питер. — Я наконец добыл маму для вас всех».

Что?! О, как ужасно!

...Но, к счастью, Венди не умерла: ее спас желудь на цепочке, в который попала стрела.

Для Венди мальчишки тут же построили симпатичный домик.

Маленький сказочный домик на острове Нетинебудет.

Так она стала мамой для целой оравы сорванцов.

Жизнь их проходила в приключениях: «Чтобы их

все описать, надо написать такую толстенную книжку, каких на свете не бывает». Сладкие и страшные приключения. Несколько глав одних приключений.

И Джон с Майклом постепенно стали забывать своих родителей. Да и Венди говорила о них в прошедшем времени.

Однажды, когда она рассказывала мальчишкам историю своей семьи, Питер застонал: «Венди, ты ошибаешься насчет матерей». И поведал то, что когда-то рассказывал Мейми Мэннеринг: как его предали. Как его не дождалась.

И тогда дети сразу засобирались домой — и Джон, и Майкл, и Венди.

А у остальных мальчишек был совершенно потерянный вид.

Но Венди же добрая! «...Полетим все вместе, я уверена, что мама с папой вас

всех усыновят. Я берусь их уговорить».

Все запрыгали от радости, кроме Питера. Ведь Питер не хотел покидать сказочного острова. Не хотел больше настоящей мамы. И, как всегда, не хотел взрослеть («А я вовсе не хочу становиться взрослым мужчиной. Я хочу всегда быть маленьким и играть»).

Но сказка еще не закончилась: автор подбросил новые приключения — пираты напали на краснокожих, охранявших детей. И конечно, храбрый Питер Пэн победил пиратов. Но, знаете, что показалось мальчишкам «гвоздем всего приключения»? То, что они не спят «в такую поздноту».

Опять ориентация на мнение родителей, опять жажда иметь заботливую маму.

А Венди, Джон и Майкл уже предвкушают мамино потрясение, папин возглас радости и Нэнины прыжки. «Хотя на самом-то деле они заслуживали хорошую порку!», — полагал автор. Он продолжал свою литературную игру: «Как приятно было бы испортить им все их планы, рассказав миссис Дарлинг все наперед. Так чтобы, когда они торжественно явятся, миссис Дарлинг даже бы и не поцеловала Венди, а мистер Дарлинг воскликнул бы разочарованно: «Вот черт, опять эти мальчишки здесь, вот морока-то!»

Но миссис Дарлинг даже не надо предупреждать: из дома она не выходит, окно в детскую всегда распахнуто настезь.

Миру Никогда-Никогда противопоставлен мир Всегда-Всегда.

А мистер Дарлинг теперь живет в будке Нэны. Та ему самое место, считает он. Поклялся не выходить оттуда, пока дети не вернуться. Ну и, естественно, «каждое утро будку с мистером Дарлингом грузили на извозчика, который отвозил его на работу». А потом из Сити домой.

«Тут мы должны отдать должное силе его характера, — замечает автор. — вспомните, ведь раньше он был так чувствителен к тому, что о нем подумают соседи».

Нет-нет, соседи не смеялись: были «тронуты горем этой семьи».

Ну, вот и пора рассказать о возвращении детей. «Им остается пролететь всего две мили, и они быстро окажутся возле своего дома. Летят они быстро». (Джеймс

Барри делает своего читателя сотворцом. Он комментирует то, что должен вообразить читатель — дает опоры для его воображения.)

«Мистер Дарлинг возвращается домой. Будку уже внесли в спальню».

Вот и славненько!

А когда мистер Дарлинг после обеда уснул, в окно влетели Питер Пэн и фея Динь-Динь.

Тут наступил очень драматический момент:

«Динь, затвори окно и закрой шпингалет, быстро! — прошипел Питер. — Так! Теперь нам с тобой придется выйти в дверь. Когда Венди прилетит, она решит, что мать ее больше не любит. И она вернется со мной обратно».

Вот чего на самом деле хотел Питер! «Вместо того, чтобы устыдиться того, что он сделал, он заплясал от радости».

Жестокий мальчишка?

А в другой комнате миссис Дарлинг играла на пианино. А потом перестала. Питер заглянул тихонько, чтобы узнать, в чем дело. Миссис Дарлинг положила руки на пианино, и две слезинки «уселись у нее в глазах».

Но Питер был непреклонен: «Она хочет, чтоб я открыл окно... Но я не отпущу».

И он попрыгал по комнате. И состроил смешную рожицу.

«Но ее печаль проникла в него и поселилась в нем».

Он открыл окно.

И улетел.

Значит, не жестокий; значит, сочувствие ему знакомо.

А вот и детки. Они смутно помнили свою спальню. Майкл первый заметил: «Ой, а вон собачья будка! — И он кинулся к ней и заглянул внутрь». И, конечно, закричал: «Ого, там какой-то дяденька».

Англичане — не немцы: не столько сентиментальны, сколько ироничны.

«Ой, он какой-то маленький, меньше пирата!»

Автор порадовался, что мистер Дарлинг спал и этого не услышал.

А тут и мама заиграла в соседней комнате. Дети шмыгнули в свои постели, чтобы сделать вид, что они никуда и не улетали.

И все прошло просто замечательно! Родители и Пэна были вне себя от счастья. «Боже мой, — восклицает автор, — какая это была прелестная картина! Но некому было ею любоваться, кроме странного мальчика, который, никем не замеченный, глядел в окно».

О странном мальчишке поговорим чуть позже.

А сейчас вспомним про остальных мальчишек, которые ждут, чтобы их усыновили. Мистер Дарлинг переживал, что с ним, как всегда, не посоветовались, но когда узнал, что мальчишки с острова Нетинебудет вовсе не считают его нулем, обрадовался и с криком «Гоп-ля-ля!» побежал показывать им их комнаты.

А миссис Дарлинг готова была усыновить и Питера Пэна!

Но Питер отшатнулся: «Никому не удастся меня изловить и сделать из меня взрослого мужчину».

И он пообещал прилетать за Венди раз в год.

И первое время так и делал. А потом забыл.

И когда прилетел снова, то увидел, что она уже большая, а в кроватке спит новый ребенок.

Он сел на пол и заплакал.

«Мальчик, почему ты плачешь?» — спросила малютка Джейн, проснувшись в своей кроватке — спросила, как когда-то ее мама Венди. «Я прилетел за своей мамой», — ответил Питер. «Я знаю, — сказала Джейн. — Я давно тебя жду».

Питера Пэна все ждут.

Они улетели, понятно куда.

Потом туда летала дочка Джейн, Маргарет.

«Итак, — пишет автор, — это будет продолжаться до тех пор, пока дети не разучатся быть веселыми, непонимающими и бессердечными».

О чем эта сказка?

Почему Питер Пэн не хочет становиться большим? Какое отношение к литературному герою имеет пресловутый «синдром Питера Пэна»? Можно ли художественное произведение объяснить с помощью психоаналитических схем, а психоаналитические схемы — с помощью художественного произведения?

Журналист Наталья Радлова пишет о

традиционном понимании синдрома Питера Пэна как бегства от ответственности и инфантильности: «...Синдром Питера Пэна появился с легкой руки американского психолога Дэна Кайли. Это не болезнь, а психологическая проблема, суть которой заключается в том, что человек не хочет превращаться во взрослого мужчину, а хочет навсегда остаться мальчиком... Он доставляет самому себе и окружающим немало хлопот из-за хронической безответственности, вечного промедления в делах, мифологического сознания и упорного нежелания смотреть правде в глаза. А во-вторых, он всегда причиняет горе тем, кто его любит. Сам при этом очень жаждет внимания и любви, но легко плюет в душу любящим его... Мужчина с синдромом Питера Пэна считает, что общепринятые правила к нему не относятся, и раз он сам по себе, то он ни за что и не отвечает... Отказ от выполнения обязанностей становится способом не взрослеть... В отличие от нормального человека "Питер Пэн" откладывает "на потом" все и всегда и, в конце концов, так ничего и не делает... При этом у него всегда виноваты другие».

Противоположный взгляд на «синдром Питера Пэна» у Анджея Сапковского (в статье «Кенсингтонский парк»): «... "комплексом" либо "синдромом Питера Пэна" стали именовать болезненное состояние, проявляющееся в глубоком отвращении к филистерству и мещанству, явной не любви к теплым тапочкам, телевизору и тряпкам, отказе участвовать в постоянной, непрекращающейся погоне за деньгами и венчающему весь этот изумительный жизненный опус инфаркту. Тронутый таким синдромом человек говорит всему этому "нет" и улетает в Кенсингтонский парк.

...Здесь просто мечтают и фантазируют. Здесь обитает Королева Мэб и ее эльфы, сюда приходят прелестная Мейми Мэннеринг и Венди, которая не поднимет вас на смех, когда вы дадите ей наперсток, наивно полагая, что это поцелуй. Поэтому идите в прелестный, полный очарования и чудес Кенсингтонский парк. Попасть туда легко. Но если вы этого захотите, не пользуйтесь планами города или путеводителем по Лондону. Вас долж-

на вести картинка голых причудливых деревьев и удивительных цветов, картинка трепещущих на ветру еще не успевших облететь листьев, хризантем и паутинок, падубов и боярышника. Таких, какими их нарисовал Артур Рэкхем».

Еще одно мнение о синдроме Питера Пэна: «В конце 1990-х годов социологи решили взглянуть на проблему по-новому. В 1998 году известный психолог Алекс Калькут в работе “Задержка развития: поп-культура и эрозия взросления” предположил, что современное общество отказывается взрослеть, стареть и умирать.

Почему взрослые хотят стать детьми? Первая причина — неудовлетворенность собственным детством... Во времена их младенчества в мире просто не было тех игрушек, которые есть у современных ребятишек. Теперь, когда эти люди стали взрослыми и могут позволить себе то, что захочется, они стараются наверстать упущенное. Вторая — это страх смерти... Представители нынешнего поколения боятся умереть значительно больше, чем их деды и прадеды. Для таких людей возвращение в детство — это попытка оттянуть старость и во многом банальный самообман. Наконец, есть люди, которые в своей “детскости” совершенно искренни. Они инфантильны, жизнерадостны и полны желания играть».

А теперь откроем еще раз автора, Джеймса Мэтью Барри: «Ни у кого не бывало такого веселого лица, как у него. И какой звонкий был у него смех! Он все еще умел смеяться, как смеются в первый раз в жизни». Правила жизни Питера Пэна: «Во-первых, всему радоваться, во-вторых, никогда не сидеть без дела, и еще всегда думать, что дело, которое ты делаешь, — очень нужно и важно».

Здорово, правда? Не похоже на взрослую безответственность. Разве он не заботится о других, *как может?* «Скоро Питер научился помогать птицам вить гнезда».

Он и повеса, и мудрец одновременно: «Он-то сам считал, что проводит время наилучшим образом. А раз он так считал, так оно и было».

«Но главное, чему научил Питера мудрый ворон, это чтобы у него, как у птиц,

было легкое, доброе, открытое для радости сердце». Да-да, Питер ведь *мальчик-птица*, необычный мальчик — проводник в мир сказки и мечты! И «разница между Питером и мальчишками всегда ощущалась очень разительно. Дело в том, что они сознавали, что понарошку — это понарошку, а для него — что как будто, что на самом деле — не различалось». А смотрел он как «человек, когда он хорошенько не знает, проснулся он или все еще спит».

Может быть, это синдром мечтателей, сказочников — людей-птиц? Сказки Дж. Барри многозначны. Они и о потерянной возможности жить «как все», и о свободной игре в мире грез; о том, как встать выше собственной обиды и эгоизма, о вечной детскости и о не менее вечных родительских чувствах.

А что увидят в этих книгах современные дети? Как они отнесутся к Питеру Пэну?

Какие черты его характера им понравятся, а какие нет? Не связаны ли эти черты между собой? А какой герой повестей Барри им наиболее симпатичен? Какой эпизод показался самым трогательным? страшным? смешным? А какие моменты показались в сказках наиболее трогательными, страшными, смешными вам самим?

В сказке «Питер Пэн и Венди» как бы два пласта: чисто приключенческий (где действуют пираты во главе с капитаном Крюком, русалки с Маронской скалы, птица Нет, дочь вождя Тигровая Лилия и пр. и пр.) и психологический. Первый больше интересует детей, второй — взрослых.

Но разве не задача взрослых помочь детям увидеть психологический пласт произведения, задуматься о мотивах поступков героев, их характерах, их представлениях о добре и зле? У Джеймса Барри много неоднозначных героев: ревнивая, но и самоотверженная фея Динь-Динь, капитан Крюк, и, конечно, сам Питер Пэн. Автор показывает их с разных сторон — и одна сторона характера не отменяет другую.

Бессмертные книги Дж. Барри учат диалектике души.